18+

ОЛЬГА ВЕСЕЛОВА

Любовь в эпоху доставки еды

Ольга Веселова

Любовь в эпоху доставки еды

«Издательские решения»

Веселова О.

Любовь в эпоху доставки еды / О. Веселова — «Издательские решения»,

Она — «экзистенциально уставшая». Он — «обычно это не так очевидно». Их любовь началась с доставки, прошла проверку сломанным лифтом, несъедобной пастой, мамой с лопатой и котом-мизантропом.Это история о том, что даже в эпоху свайпов и дедлайнов можно найти того, с кем захочется заказывать роллы по пятницам до самой старости. Ироничный, тёплый и очень уютный роман о нас с вами.

© Веселова О.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Белка в колесе 6
Глава 2. Цифровой отшельник 22
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Любовь в эпоху доставки еды

Ольга Веселова

© Ольга Веселова, 2026

ISBN 978-5-0070-1961-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Белка в колесе

Утро, которое не задалось с вечера

Будильник Алисы взорвался звуками «Половецких плясок» Бородина, словно стая экзотических птиц внезапно решила устроить концерт в её спальне. Выбор этого музыкального фрагмента для будильника был не столько проявлением изысканного вкуса, сколько отчаянной мерой, сродни шоковой терапии для ушей. Только этот хор, наполненный первобытной тревогой и драматизмом, был способен вырвать её из объятий сна, как опытный спасатель вытаскивает утопающего из воды.

Каждое утро казалось, будто жрицы какого-то древнего и весьма эксцентричного языческого культа готовятся принести её, сопящую и совершенно не готовую к восприятию реальности, в жертву богу утреннего пробуждения. И каждый раз, когда первые звуки хора раздавались в комнате, Алиса чувствовала себя так, будто её будит не будильник, а целая армия боевых барабанов, готовых отправить её прямиком в царство бодрствования.

Алиса, не открывая глаз, отправила руку в автономное межзвёздное путешествие к тумбочке. Пальцы, словно бравые ниндзя в ночи, нащупали гладкую спинку телефона, и одним смахиванием «пляски» были сосланы в небытие, туда, где им самое место. Тишина, блаженная, звенящая, окутала её, как мягкий кашемировый плед, в котором ещё отдавались эхо далёких криков половецких дев, решивших устроить караоке на рассвете.

Внутри Алисы закипела дипломатическая битва не на жизнь, а на смерть. Делегация «Надо Вставать», возглавляемая чувством долга и вооружённая неопровержимыми аргументами, как тяжёлая артиллерия, выдвинулась в атаку. В ответ фракция «Ещё Пять Минуточек», не терявшая надежды, наложила вето, ссылаясь на гуманитарные ценности и священное право на отдых. «Мы боремся за священные права спящих!» — провозгласили они.

— Итак, — провозгласила Алиса, обращаясь к пустоте комнаты, которая, впрочем, была её верной спутницей во всех утренних монологах. — У нас ровно сорок пять минут на операцию «Царевна»! Протокол «Лягушка» активирован. Вперёд, навстречу приключениям!

Алиса взвилась с кровати с такой скоростью, будто её подбросило пружиной. Напротив, в мутном утреннем свете, висело зеркало. Из его глубин на Алису смотрела незнакомка с идеальной чёлкой (по утрам чёлка ещё не в курсе предстоящего дня и потому выглядит как произведение искусства). Выражение лица у незнакомки было такое, будто её только что выдернули из анабиоза вопросом о местонахождении библиотеки Ивана Грозного, а она должна была ответить мгновенно, иначе её ждала участь хуже смерти — опоздание на работу.

Телефон вновь устроил настоящий катаклизм, словно хор недовольных духов решил устроить бунт в миниатюрном корпусе. Алиса подскочила так резко, будто её пронзило током от высоковольтной линии.

— Да помню я, помню! — гаркнула она на бедный, ни в чём не повинный телефон, который, казалось, только и ждал момента, чтобы снова напомнить о своих требованиях.

Вскочив с кровати, она поплелась в ванную, как новорождённый котёнок, который ещё не научился уверенно ходить и ориентировался по памяти и стенам, словно они были её верными спутниками в этом путешествии. По пути её ступня, как детектив-любитель, совершила роковое открытие — нашла на полу одинокий носок, который, словно предатель, решил покинуть свою пару. Второй носок, согласно Великому Закону Носочной Подлости, должен был материализоваться не раньше вечера, где-нибудь в пыльном сумраке под кроватью, в тесной компании высохшей резинки для волос и пары давно забытых идей, которые, казалось, были изгнаны туда за ненадобностью.

Ванная комната встретила Алису зеркалом, безжалостным, как налоговый инспектор в разгар проверки. Это зеркало не было склонно к компромиссам или лестным преувеличениям.

Оно честно отражало реальность: чёлка всё ещё держалась, будто отважный рыцарь на поле боя, но под глазами уже проступили синеватые тени — свежие следы ночного дозора по чужим отпускам и свадьбам в социальных сетях. Словно два маленьких смайлика усталости, они кричали: «Мы здесь!»

— Я не старая, — отчеканила Алиса своему отражению, повысив голос так, будто это могло убедить зеркало в её правоте. — Я экзистенциальльно уставшая. Это разные весовые категории, понимаешь?

Но зеркало, как истинный скептик, продолжало хранить молчание, не давая Алисе ни капли надежды на понимание.

Двадцать минут — именно столько времени ушло на то, чтобы смыть с себя следы вчерашнего дня и превратить лицо в холст для шедевра под названием «штукатурка оптимизма». Тональный крем, обещавший 24 часа сияния, на деле оказался мастером по части отсрочки встречи с реальностью. Ну что же, хоть так, подумала Алиса, аккуратно размазывая его по лицу.

Ещё пять минут были потрачены на безнадёжные поиски второго носка. Он, разумеется, оказался в своём излюбленном тайнике — под кроватью. Там его взял в заложники пушистый серый монстр, который в прошлой жизни был белым тапком.

— С вами разберёмся в другой раз, — пообещала Алиса пыльному чудовищу, запихивая носок обратно. К повторному раунду поисков она была морально не готова. Кто знает, какие ещё сюрпризы могут ждать её в этом коварном лабиринте под названием «моя квартира»?

Кухня встретила Алису мертвенно-бледным светом распахнутого холодильника, словно приглашая её в унылые глубины холодильного царства. Алиса, вооружившись тайной надеждой, открыла дверцу с предвкушением, будто ожидая, что за ночь в холодильнике самозародится горячий завтрак, приготовленный по высшему разряду. Увы, чуда не случилось.

Из недр холодильника на неё взирали: одинокая бутылка воды, словно последний выживший в пустыне, контейнер с позавчерашним салатом (он пах так, будто глубоко задумался о бренности бытия и пришёл к неутешительным выводам) и три яйца, чей взгляд был полон немого укора, как у старых друзей, обвиняющих её в отсутствии кулинарного вдохновения.

— Яйца — это сковородка, — пробормотала Алиса, — сковородка — это мытье, мытье — это время, а время — это то, чего у меня нет.

Логическая цепочка замкнулась, словно удавка на шее её утренних планов.

Дверца холодильника захлопнулась с финальным щелчком, похожим на приговор. В шкафчике, как почётный караул, застыли: банка растворимого кофе, словно последний оплот бодрости, пачка овсянки с истёкшим сроком годности (Алиса придерживалась политики «не вижу — значит, не просрочено», оправдывая свою утреннюю беспечность) и коробка конфет, сиротливо ждущая своего часа отчаяния. Час ещё не настал, и конфеты продолжали своё ожидание, как верные стражи.

Кофеварка, триумф материнской заботы с прошлого Нового года, стояла нетронутым памятником благим намерениям. Алиса предприняла три честные попытки подружиться с ней, но каждый раз терпела поражение. В первый раз получилась кофейная гомеопатия — настолько слабая, что её едва ли можно было назвать кофе. Во второй раз она забыла про воду, и агрегат издал звуки, напоминающие приступ паники у кита, потерявшего ориентацию в океане. В третий раз бесследно исчезли фильтры, словно растворившись в воздухе. Поэтому — растворимый: быстрый, простой, не требующий эмоциональной вовлечённости.

Ложка порошка в кружку с ироничной надписью «Лучшему сотруднику месяца» (награда, врученная самой себе), кипяток, и вот он — первый глоток. Мир начал медленно обретать цвета, пока что в основном оттенки серого, но это уже прогресс.

Телефон снова ожил, словно старый друг, который никак не может оставить тебя в покое. На этот раз пришло сообщение, длинное, как товарный состав, ползущий через всю страну с непредсказуемым грузом.

«Доброе утро, доченька! Проснулась? Покушала? Завтрак — это святое, а то опять будешь на работе желудок портить. Может, в выходные заедешь? Я тебе борщ приготовлю. Погода — дрянь, сосед опять дрелит, я ему говорю — утро же, а он мне про какой-то дюбель. А у тебя как на личном? Никого не встретила? Мне тут сон про аистов приснился. Аисты — это к детям, но для них сначала мужчина нужен, такая вот технология. Ты там не засиживайся, работа не волк, а часики-то тикают. Ты слышишь? Я у себя на кухне слышу, как твои тикают. Напиши, как доберёшься. Целую».

Мама, похоже, освоила голосовой ввод, и теперь её поток сознания обретал текстовую форму со скоростью пулемётной очереди. Каждое слово летело, как пуля из скорострельного автомата, не оставляя шансов на передышку.

Алиса набрала единственно возможный ответ, чувствуя себя как капитан тонущего корабля, посылающий сигнал бедствия: «Мама, доброе. На работе. Наберу». И прикрепила смайлик-сердечко в качестве амортизатора, надеясь, что это смягчит удар от её краткого ответа.

8:15. Время выходить. Сумка, ключи, телефон, паспорт — святая святых современного горожанина, без которых он не посмеет и шагу ступить за порог своего уютного убежища. Паспорт Алиса носила из-за иррационального страха, что однажды её остановят на улице и потребуют доказать свою личность, как будто без него она превратится в невидимку или, чего доброго, в призрака. Этого не случалось ни разу, но фантомная боль «а вдруг» была сильнее здравого смысла, словно невидимый дамоклов меч висел над её головой.

Уже в дверях её остановил укоризненный взгляд мусорного ведра. Оно было демонстративно переполнено, как бунтарь, решивший объявить протест против несправедливости. Вчерашние коробки из-под роллов выглядывали из него, как призраки вкусного, но мимолётного счастья, напоминая Алисе о том, что жизнь полна не только обязанностей, но и маленьких радостей, которые, увы, быстротечны.

— Завтра, — твёрдо пообещала Алиса мусору, как будто давая обещание самому себе. — Честное пионерское, я тебя не подведу.

Она выскочила за дверь, оставив мусорное ведро наедине со своими мыслями.

Лифт, на удивление, ждал её с открытыми объятиями — редкая удача, которую Алиса мысленно занесла в актив сегодняшнего дня. В кабине витал сложный букет ароматов: соседский пёс, который явно решил принять участие в создании атмосферы, вчерашний ужин, оставивший свой ароматный след, и лёгкая нота отчаяния, витавшая в воздухе, словно призрак забытых надежд. На полу — рекламная листовка: «Улыбка — ваш главный аксессуар». Алиса хмыкнула, подняла её и сунула в карман. Пригодится, хотя бы для самоиронии, чтобы в нужный момент поднять себе настроение.

Первый этаж. Толчок тяжёлой двери, и утро врывается в лицо — резкое, холодное и полное неизбежности, как будто решившее напомнить Алисе о том, что жизнь не всегда бывает сладкой.

Метро как модель вселенной

Метро в утренний час пик — это не просто транспорт, а настоящее поле битвы для тех, кто готов ежедневно проверять свою психику на прочность и демонстрировать чудеса аэродинамики в толпе. Алиса спускалась по эскалатору с покорностью гладиатора, который добровольно идёт на арену ко львам, предварительно оплатив вход по «Подорожнику» и мысленно пожелав себе удачи.

На платформе её поглотил Левиафан — единый, тяжело дышащий организм толпы. Тысячи людей двигались в едином трансовом порыве: втиснуться, утрамбоваться, не опоздать. Почти все были в наушниках, каждый надёжно забаррикадирован в своём внутреннем мире. Алиса обожала за этим наблюдать. Пассажиры подземки чётко делились в её голове на несколько подвидов:

1. Коматозники (они же Спящие). Гуру городского дзена. Могли спать стоя, вися на поручне или будучи зажатыми между чужими пуховиками, как сосиска в тесте. Казалось, их жизненные показатели на нуле, но на своей станции они внезапно распахивали глаза, демонстрируя чудо локального воскрешения, и безошибочно вываливались в двери.

2. Бумажные эстеты (Читающие). Исчезающий вид интровертов-экстремалов. Пока массы скроллили ленты в смартфонах, эти отчаянные люди умудрялись держать настоящие, бумажные книги. Алиса всегда испытывала к ним уважение, смешанное с ужасом — в такой давке томику Ремарка могли легко оторвать корешок, а то и переписать финал.

3. Кибер-гладиаторы (Играющие). Те, кто резался в «три-в-ряд» или крошил зомби с таким остервенением, будто от их пальцев зависела судьба макроэкономики. Они не замечали ни чужих локтей, ни остановок.

4. Перезагружающиеся (Смотрящие в одну точку). Самый пугающий вид. Они сверлили пустоту стеклянными глазами. Возможно, они постигли Матрицу или их операционная система просто зависла от нехватки кофеина и требовала жёсткой перезагрузки.

5. Городские сумасшедшие нового типа (Блогеры). Бесстрашные вещатели банальностей. Они вытягивали руку с телефоном и что-то бодро артикулировали в объектив, игнорируя тот факт, что половина вагона смотрит на них с подозрением, а вторая — с тихой ненавистью.

Алиса относила себя к скромной касте «Слушающих и сканирующих». Врубив в наушниках бодрящий поп-плейлист, она стратегически вросла в угол у дверей, чтобы держать периметр под контролем.

На «Площади Восстания» в вагон вплыла Женщина с Сумкой. Сумка обладала собственной гравитацией. По скромным прикидкам Алисы, в её недрах можно было комфортно разместить ребёнка, палатку и запас тушёнки до следующего ледникового периода. Женщина бросила якорь прямо по центру прохода. Баул занял жизненное пространство троих человек, но все покорно втянули животы — против законов физики и женщин с такими сумками в метро не спорят.

Справа от Алисы пришвартовался молодой человек. Сверху он был упакован в строгий корпоративный костюм, а снизу — в массивные беговые кроссовки. Алиса мысленно выдала ему медаль за адекватность. Тот, кто спускается в утреннее метро на шпильках, — либо бессмертный Маклауд, либо турист, ещё не познавший боли.

Парень яростно истязал экран смартфона. Краем глаза Алиса сканировала ситуацию: открыт рабочий мессенджер, а судя по артикуляции губ парня, сообщение содержало многоэтажные лингвистические конструкции. Она деликатно отвернулась. Чужие дедлайны — чужие проблемы.

Поезд резко дёрнулся, и Алису отбросило прямо на Баул Великий и Ужасный. Владелица сумки даже бровью не повела. Видимо, давно смирилась с тем, что её ручная кладь работает в вагоне как амортизатор для слабых духом.

На следующей станции в вагон ворвался торнадо из студентов. Они пахли юностью, дешёвыми энергетиками и абсолютной безответственностью. Один из них, обладатель рыжей козлиной бородки, на весь вагон вещал подруге о вчерашнем кутеже:

— …и прикинь, Колян такой выдаёт: «А давайте рванем на такси во Владивосток!» Мы думали, его кроет, а он реально в приложении комфорт-плюс жмёт!

— Да ладно! И че? — округлила глаза подруга.

— Да че. На карточке косарь был. До Купчино не доехали.

Алиса спрятала улыбку в шарф. Студенты — это отдельный жанр трагикомедии. Они ещё свято верят, что жизнь — это бесконечная вписка, и пока не подозревают, что впереди их ждёт увлекательный квест «Оплати коммуналку и не сойди с ума от экселя». Пусть веселятся. Пока можно.

Поезд нырнул в чёрный тоннель. За окном замелькали провода и тусклые лампы. Алиса поймала своё отражение в тёмном стекле: одна из миллионов, гаечка в огромном механизме, белка-трудоголик в колесе мегаполиса. Крутишься, бежишь, стираешь лапки… А куда? На работу, в «Пятёрочку» по акции, домой и снова на старт.

Иногда её накрывало стойким ощущением, что она застряла в «Дне сурка», только Билла Мюррея заменили на начальника отдела продаж, а вместо милого сурка у неё — еженедельные отчёты.

На «Садовой» половина вагона с облегчением вывалилась наружу. Алисе достался джекпот — свободное сиденье. Она рухнула рядом с мужчиной, который (о боги, бумажный эстет!) читал газету. Заголовок гласил: «Жизнь в провинции». Алиса оценила иронию — читать такое, находясь в глубоком подземелье исторического центра Петербурга. Она заподозрила в этом акт тонкой внутренней эмиграции.

Оставалось три станции. Алиса закрыла глаза и позволила попсе в наушниках телепортировать её в альтернативную реальность: туда, где нет метро, будильников и плана продаж; там плескалось лазурное море, шелестели пальмы, а сама Алиса качалась в гамаке с коктейлем, украшенным дурацким зонтиком.

Поезд дёрнулся, тормозя. Гамак с треском порвался, коктейль пролился на воображаемый песок.

— Станция «Невский проспект», — бесстрастно отчеканил механический голос. — Выход на канал Грибоедова…

«…и к офису», — мысленно закончила Алиса, к её персональному опен-спейс чистилищу.

Она встала, поправила на плече сумку, вздохнула, набрала в грудь побольше воздуха и шагнула в толпу, готовая к новому дню, полному приключений и офисных баталий.

Офисный планктон и его естественная среда обитания

Алиса проводила свои лучшие годы в офисе, продавая их за стабильный оклад, который, казалось, таял на глазах. Её место работы располагалось в бизнес-центре класса «Б», что на языке риелторов означало «безлико, бедненько, но с претензией на евроремонт». Это было как раз то место, где стены дышали духом офисной рутины, а каждый уголок кричал о корпоративной скуке.

На входе её ждал неизбежный турникет — бездушный страж корпоративной морали. Алиса привычно погрузила руку в сумку, начав утренние археологические раскопки. Пропуск, по законам физики женских сумок, канул на самое дно, в тёмную материю между пудреницей, клубком наушников и забытым блокнотом. Наконец, пластик коснулся считывателя.

— Доброе утро, Алиса! — жизнерадостно синтезировал турникет голосом робота, лишённого проблем с ипотекой.

— И тебе не заржаветь, жестянка, — мрачно буркнула Алиса, протискиваясь внутрь.

Лифт полз вверх с грацией беременной черепахи, собирая дань на каждом этаже. На третьем в кабину втиснулся угрюмый мужчина с картонной коробкой, на которой маркером было выведено: «Канцелярия. Осторожно!». Алиса зависла, пытаясь представить степень угрозы. Острые, как бритва, скрепки? Взрывоопасные степлеры? Тактические дыроколы, обученные убивать? Она решила, что безопаснее всего держаться от коробки подальше.

На пятом этаже к ним присоединилась девушка в массивных очках. Она немедленно уткнулась в телефон и начала истерично похрюкивать над лентой новостей. Алиса скосила глаза: на экране толстый кот эпично скатывался со стола. Девушка смеялась с таким надрывом, будто этот кот только что закрыл её кредит на машину.

Наконец, седьмой этаж. Алиса шагнула в коридор и направилась к стеклянной двери с золотой табличкой «ООО „Мегаполис-Сервис“». Звучало так, словно они строили небоскрёбы. На деле же это был колл-центр и отдел по работе с претензиями — место, где человеческая

ярость конвертировалась в стандартные извинения. Внутри стоял густой аромат пережжённого кофе, нагретого пластика принтеров и стойкого, хорошо настоявшегося отчаяния. Это был классический оупен-спейс — архитектурное изобретение сатаны, где каждый в курсе твоих телефонных разговоров, а спрятаться от запаха чужого разогретого минтая физически невозможно.

Алиса рухнула за свой стол. Комплектация стандартная: системный блок, два монитора (чтобы страдать в два раза эффективнее), кружка с окаменелыми остатками вчерашнего чая и лес разноцветных стикеров («Пнуть Иванова», «Сдать отчёт», «Постараться не убить Петрова»). Венцом композиции служила фотография пушистого кота. У Алисы никогда не было кота. Она просто распечатала картинку из интернета для уюта. Кот на фото смотрел с лёгким осуждением, словно знал, в каком отделе она работает.

Пока рабочий компьютер со скрипом загружал Windows, Алиса побрела к кулеру — единственному оазису в этой пустыне. У источника уже толпилась бухгалтерия: три женщины обсуждали диеты с яростью религиозных фанатиков.

— Я на кето, — вещала первая, дама монументальных форм. — Уже неделю в углеводной завязке. Хлеб не ем, сахар не ем. Вчера смотрела на мужа и прикидывала, можно ли его запечь под сырной корочкой.

— А я на интервальном голодании, — перебила вторая, сухая как вобла. — Шестнадцать часов терплю, восемь — мету всё подряд. Вчера в приступе голода сорвала резьбу на банке с гречкой из пандемийных запасов 2020 года. Думала, зубы об неё сломаю.

— Ой, девочки, — замахала руками третья. — А я сдала анализ на «диету по группе крови». Представляете, мне по генотипу категорически нельзя помидоры! Всю жизнь их ела, а оказывается, я медленно себя убивала!

Алиса молча нацедила свой стакан и тактически отступила, пока её не заставили каяться в съеденном на ночь бутерброде.

Вернувшись в своё кресло, она обнаружила, что экран уже кровоточит уведомлениями. Почта, мессенджеры, внутренний портал — всё требовало её немедленного внимания. Первое же сообщение в чате горело красным от Виктора Петровича, начальника отдела.

Виктор Петрович: *«Алиса, срочно зайдите ко мне. Вопрос жизни и смерти».*

В системе координат Виктора Петровича «вопрос жизни и смерти» обладал широчайшим спектром: от «нас штрафует налоговая» до «я случайно нажал какую-то кнопку, и теперь у меня всё на китайском». Практика показывала, что китайский случался чаще.

Алиса тяжело вздохнула, выпила воду залпом, как стопку текилы, и побрела на эшафот. Виктор Петрович был монументальным мужчиной слегка за пятьдесят, с уютным брюшком и лицом человека, который настолько давно работает в офисе, что пустил корни в обивку своего кресла. На нём топорщился костюм, купленный, судя по крою, ещё в эпоху пейджеров. На столе возвышалась кружка с надписью «Босс №1» (которую он гарантированно подарил себе сам) и фотография жены с мопсом. Жена была в два раза крупнее мопса, но улыбалась точно так же. Оба смотрели на Виктора Петровича с лёгким превосходством.

— Алисочка, спасительница вы наша! — Виктор Петрович радостно всплеснул руками, словно она принесла ему вакцину от всех болезней. — Присаживайтесь. Чай, кофе, валерьянку?

— Предпочту сразу к делу, — настороженно произнесла Алиса, опускаясь на стул для посетителей. Ножки стула были коварно подпилены, чтобы сотрудник всегда сидел ниже начальника и чувствовал свою ничтожность. Это был дешёвый, но рабочий психологический трюк.

— Беда у нас! — Виктор Петрович заговорщицки подался вперёд, едва не опрокинув кружку. — Помните клиента Сидорова? Того самого, с жалобой на просроченный персиковый йогурт?

Алиса помнила. Эпическая сага о Сидорове состояла из трёх томов. В первом он требовал миллионную компенсацию за моральный ущерб. Во втором — публичной казни курьера на Дворцовой площади. В третьем — запрета на ввоз молочных бактерий на территорию Российской Федерации.

— Так вот, — трагическим шепотом продолжил начальник. — Он нанёс новый удар. Теперь он требует, чтобы мы лично, курьером премиум-класса, привезли ему йогурт, срок годности которого истекает… сегодня в полночь!

Алиса медленно моргнула, пытаясь переварить информацию.

— Он требует… почти просроченный йогурт? Добровольно?

— Именно! Цитирую: «Только заглянув в глаза смерти этого продукта, я смогу убедиться в честности вашей гнусной конторки». И знаете что ещё? Курьер должен вручить йогурт и принести извинения.

— Извинения за что? За быстротечность времени? За то, что мы не властны над энтропией Вселенной?

— За то, что клиент всегда прав, Алисочка, — философски развёл руками Виктор Петрович. — Я вас очень прошу. Возглавьте эту операцию. Я в вас верю, как в самого себя!

Он посмотрел на неё взглядом, полным щенячьей надежды. Так смотрят на сапёра, которому вручают кусачки и говорят: «Режь красный провод, или мы все взлетим на воздух».

— Я… попробую что-нибудь придумать, — обречённо выдавила Алиса.

— Не пробовать! Делать! — бодро гаркнул начальник и торжественно сдвинул на край стола пухлую пластиковую папку с надписью «ДЕЛО СИДОРОВА». По толщине папка могла поспорить с первым томом «Войны и мира».

Алиса покинула кабинет с чётким осознанием того, что сегодня её официально назначили ответственной за уровень маразма в этом городе. Она почувствовала себя как капитан корабля, который попал в шторм, но должен был вести его к безопасной гавани, несмотря ни на что.

Рабочий день и мелкие радости

Вернувшись в своё персональное офисное чистилище, с облегчением рухнув на стул, Алиса первым делом открыла мессенджер. Её пальцы запорхали над клавиатурой с такой скоростью, будто она собиралась вызвать дух великого комбинатора Остапа Бендера.

Алиса: *«СПАСИ МЕНЯ. СРОЧНО».*

Лера: *«Что стряслось? Тебя опять повысили и заставили работать за троих?»*

Алиса: *«Хуже. На меня сбросили Сидорова. Того самого с йогуртом».*

Лера: *«О нет. Земля пухом твоим нервным клеткам. Хочешь, я мысленно пошлю тебе поток позитивной энергии?»*

Алиса: *«Побереги прану, мать. Ты на диете, тебе эта энергия ещё понадобится, чтобы дойти до кулера и не упасть в обморок».*

Лера: *«Кстати о диете! Я сегодня съела только половинку огурца и варёное яйцо. И знаешь, чувствую себя невероятно одухотворённой. Наверное, именно так ощущают себя тибетские монахи на вершине горы».*

Алиса: *«Тибетские монахи, во-первых, едят рис, а во-вторых, не строчат в чатики каждые пять минут жалобы на голод».*

Лера: *«Значит, они просто недостаточно просветлились. Ладно, держись там!»*

Алиса улыбнулась экрану. Лера была её спасательным кругом в этом море корпоративного безумия. Они дружили ещё со времён университетских лекций, и Лера обладала суперспособностью оставаться неисправимой оптимисткой даже тогда, когда Алиса была готова выть на люминесцентные лампы.

Алиса вздохнула и открыла пластиковую папку. Дело Сидорова оказалось настоящей летописью безумия в пяти актах:

Акт первый: вежливое, но холодное письмо с лёгкой претензией к текстуре продукта.

Акт второй: нервный срыв с обилием восклицательных знаков.

Акт третий: истерика с угрозами дойти до Страсбургского суда и ООН.

Акт четвёртый (любимый у Алисы): философский трактат. Сидоров внезапно сменил гнев на меланхолию и на трёх страницах рассуждал о том, что прокисший йогурт — это метафора бренности человеческого бытия, а плесень — символ увядания наших надежд.

Акт пятый, финальный: ультиматум. Требование прислать продукт, балансирующий на грани жизни и смерти (то есть с истекающим сроком годности), чтобы лично заглянуть в глаза энтропии.

«Как разрулить это без визита к психиатру?» — задумалась Алиса. Она положила руки на клавиатуру и начала переводить свои мысли на язык корпоративной дипломатии.

Мысль: *«Слушайте, дядя, мы не повезём вам протухшую молочку, потому что санэпидемстанция нас потом на этом же йогурте и распнет».*

Текст: *«Уважаемый Ипполит Матвеевич! Мы внимательно изучили ваше обращение…»*

В итоге получилось вполне удобоваримо:

«Уважаемый Ипполит Матвеевич! Мы внимательно изучили ваше обращение и приносим глубочайшие извинения за доставленные неудобства. К сожалению, мы не имеем технической и юридической возможности отправить вам продукт с истекающим сроком годности, так как наша компания строго соблюдает санитарные нормы РФ. Однако в знак нашего уважения мы готовы предложить вам компенсацию в размере двойной стоимости товара, либо отправить свежий йогурт премиум-класса с курьером, который лично поблагодарит вас за ценную обратную связь. С нетерпением ждём вашего решения! С уважением, старший специалист Алиса».

Отправила. Затаила дыхание. Телефон пискнул так быстро, словно Сидоров сидел в засаде, положив палец на кнопку ответа.

Сидоров: *«А скидка 50% на все заказы в течение месяца будет? И каталог мне пришлите, бумажный».*

Алиса шумно выдохнула, сдув непокорную чёлку со лба. Кажется, торг был уместен. Сидоров оказался не хтоническим чудовищем, а просто одиноким, заскучавшим мужчиной, которому отчаянно не хватало внимания и бесплатных бонусов, разумеется.

Пока Алиса оформляла скидочный промокод, во внутреннем чате отдела «Мегаполис-Флуд» началось традиционное утреннее брожение.

Коллега Оля: *«Девочки-мальчики, спасайте! У кого есть зарядка для айфона? У меня 3%, я чувствую холодное дыхание смерти. Я без телефона как без рук и без мозга!»*

Коллега Катя: *«У меня есть шнурок, но только Type-C, для андроида. Кстати, это чистой воды дискриминация. Почему у всех разъёмы разные? Где равенство?»*

Коллега Оля: *«Это дикий капитализм, Кать. Они специально нас разделяют, чтобы мы страдали и покупали новые адаптеры».*

Алиса: *«У меня есть тяжелённый пауэрбанк, но он заряжается полдня. Могу одолжить часам к шести вечера».*

Коллега Оля: *«К шести вечера я уже покроюсь пылью и стану легендой этого офиса. Ладно, пойду на поклон к Виктору Петровичу. У него в тумбочке, кажется, есть портал в Нарнию и зарядки от всех устройств в мире».*

Коллега Катя: *«Он даст, он сегодня добрый. Главное, не перепутай и не попроси прибавку к зарплате вместо провода».*

Алиса тихо хмыкнула в монитор. Офисный фольклор и кухонная политология — это отдельный, независимый вид искусства. Она бросила взгляд на правый нижний угол экрана. 11:30. До законного обеда оставалось мучительных полтора часа. Сидоров получил свой промокод и заветный глянцевый каталог, прислав в ответ эмодзи с рукопожатием.

Алиса откинулась на спинку кресла. Она чувствовала себя виртуозным дипломатом, который только что предотвратил Третью молочную войну, и теперь вполне заслуживала чашку нормального, не растворимого кофе. Такого, который бодрит и вдохновляет на новые подвиги.

Обед: доширак или «ВкусВилл»?

Обед в офисе — это не просто приём пищи, а настоящий священный ритуал, демаркационная линия, отделяющая утреннее отчаяние от вечерней безысходности. Пищевые привычки коллег делили их на три касты: аристократы, питающиеся в столовой, адепты доставки и носители домашних контейнеров, словно рыцари, носящие свои припасы в латах из пластика.

Алиса относилась к третьей категории, но с элементами экстрима. Сегодня её ждал тот самый пластиковый контейнер из недр домашнего холодильника, где хранился салат-мыслитель. Она с щелчком открыла крышку и осторожно принюхалась. Аромат был сложным, с нотками увядающей надежды, но признаков биологического оружия салат пока не подавал. «Вроде не умер. Значит, можно есть», — подумала Алиса, храбро вооружившись вилкой.

В этот момент телефон завибрировал. Лера прислала фото своего обеда: сиротливый кружок огурца, половинка варёного яйца и бледный лист салата, концептуально размазанные по огромной белой тарелке. «Красота, правда? Я теперь на глубоком уровне понимаю художников-абстракционистов. Они тоже постоянно голодали, поэтому так тонко чувствовали простые формы и пустоту», — написала Лера.

«Они голодали, потому что картины не продавались и денег не было, а не потому что готовились к пляжному сезону. Ешь свой шедевр», — ответила Алиса.

«Не порти мне возвышенную эстетику своими приземлёнными фактами», — парировала Лера.

В ответ Алиса сфотографировала свой салат. При дневном свете он выглядел как нечто среднее между «я искренне пыталась вести здоровый образ жизни» и «господи, зачем я потратила на это деньги». Она отправила фото Лере.

«Это что за компост?» — спросила Лера.

«Салат с курицей. Недельной выдержки. Винтаж», — ответила Алиса.

«Ты умрёшь. Я не приду на твои похороны, у меня в этот день пилатес», — предупредила Лера.

«Все там будем. Но на тот свет я отправлюсь сытой. Приятного аппетита», — ответила Алиса и действительно доела свой салат. Он оказался на удивление жизнеспособным, если усилием воли блокировать мысль о том, что он провёл в холодильнике больше времени, чем некоторые её коллеги продержались на испытательном сроке.

После обеда наступило время великого офисного кофейного ритуала. Кофе в автомате был бесплатным, и на этом его достоинства заканчивались. По цвету и вкусу жидкость напоминала мазут, и Алиса подозревала, что завхоз закупает его в строительных магазинах — красить стены. Она налила себе дымящуюся чашку «чёрной нефти», щедро засыпала тремя ложками сахара и плеснула сливок. Сливки она добыла из личных стратегических запасов, которые хранились в братской могиле общего холодильника. На пакете красовалась угрожающая надпись красным маркером: «НЕ ТРОГАТЬ! ПЛЮНУ В ЧАШКУ! (Алиса)». Мера была суровой, но только так в этом здании можно было защитить частную собственность.

С кружкой в руках она зашла в комнату отдыха — местный аналог древнеримского форума. На диванчиках кучковались коллеги и увлечённо препарировали личность нового сотрудника.

— Он какой-то… пугающе тихий, — вещала Катя, нервно помешивая чай. — Пришёл, сел, ни с кем не поздоровался толком. Надел огромные наушники и всё. Сидит, как в танке.

— Может, он просто стеснительный котик? Боится нас? — с надеждой в голосе предположила Оля, которая всегда пыталась найти в людях милое.

— Или у него расстройство аутистического спектра, — безапелляционно вставила бухгалтерша, та самая фанатка кето-диеты из утренней очереди у кулера. Она произнесла это тоном, каким обычно зачитывала акты сверки.

— Девочки, отставьте кухонную психиатрию, — осадила их Катя. — Человек первый день в нашем дурдоме, адаптируется. Давайте проявим эмпатию и позовём его сегодня после работы в бар? Зальём стресс, познакомимся.

— А он пойдёт? — усомнилась Оля.

— Не пойдёт, — уверенно, словно отрезав, произнесла Алиса, делая глоток спасительного кофе со сливками.

Все три головы синхронно повернулись к ней.

— Это почему же? — нахмурилась Катя.

— Базовая логика, — пожала плечами Алиса. — Если человек в первый же день надевает шумоподавляющие наушники размером с вертолётные, значит, он махровый интроверт. Его социальная батарейка садится только от того, что он с вами в одном помещении дышит. Интроверты не ходят в шумные бары с малознакомыми коллегами пить крафтовое пиво.

— А куда они ходят? — шёпотом спросила Оля, словно речь шла о тайном ордене.

— Они ходят домой: в свою крепость, к тёплому пледу, коту и новому сезону сериала, где никто не заставляет их поддерживать светскую беседу, — закончила Алиса свою речь.

В комнате повисла уважительная тишина. Коллеги посмотрели на неё с благоговением.

— Ты прям профайлер. Как из сериалов про ФБР, — восхищённо выдохнула Оля.

— Я не профайлер, — честно призналась Алиса. — Я просто сама точно такая же.

Она салютовала им кружкой, развернулась и пошла к своему рабочему месту, оставив коллег переваривать эту шокирующую правду.

Вечер: дом, милый дом (и доставка)

Рабочий день медленно и мучительно истекал кровью дедлайнов, словно раненый гладиатор на арене. Алиса, подобно бесстрашному воину, добила еженедельный отчёт, разгребла завалы во входящих и виртуозно отбила ещё пару клиентских истерик. Одна жалоба поступила от женщины, которой не долили соус унаги, из-за чего её жизнь «утратила всякий смысл». Вторая — от мужчины, которому курьер «слишком пристально посмотрел в глаза, нарушив энергетическое поле квартиры». Алиса извинилась за чужие энергетические поля, выключила монитор и с чувством выполненного долга начала собираться.

В 18:30 она наконец вырвалась на свободу. На улице сгущались синие сумерки, зажигались жёлтые фонари, и мегаполис плавно переходил в вечерний режим. Дневная корпоративная агрессия сменялась усталой, почти домашней меланхолией. Алиса шла по улице, чувствуя, как напряжение покидает её тело, словно воздух из проколотого шарика.

В метро дышалось легче. Давка рассосалась, и Алисе даже досталось сидячее место. Всю дорогу до своей станции она с упоением читала с экрана телефона новый триллер. Сюжет строился вокруг серийного маньяка, который выслеживал и жестоко карал людей, оставлявших в интернете негативные отзывы на рестораны и сервисы. Переворачивая электронную страницу, Алиса мстительно подумала, что Ипполиту Матвеевичу Сидорову с его йогуртом определённо стоит запирать дверь на два оборота, а лучше на три, чтобы быть уверенным.

Дома её преданно ждал утренний хаос, законсервированный во времени. Одинокий носок под кроватью, немытая кружка в раковине и подросший за день пыльный монстр, который уже претендовал на прописку. В холодильнике царили гулкая пустота и три яйца-ветерана, всё так же смотревшие на хозяйку с немым укором.

— Ладно, парни. Ваш час пробил, — торжественно провозгласила Алиса, извлекая сковородку.

Её гастрономический репертуар опирался на Святую Троицу Холостяка: глазунья, макароны, щедро засыпанные сыром, и многоэтажные бутерброды. Это была её кулинарная библия,

не терпящая ереси в виде сложных соусов. Сегодняшняя глазунья вышла почти шедевральной: желтки кокетливо дрожали, оставшись жидкими, а белок по краям превратился в хрустящий уголёк. Алиса называла это «фьюжн с деревенским шармом».

Она ужинала прямо на диване, скрестив ноги и включив фоном какой-то глянцевый сериал нулевых. На экране безупречно уложенные люди в кашемировых пальто пили латте в дизайнерских кофейнях и страдали из-за красивых, кинематографичных проблем. У Алисы всё было не так: мятая домашняя футболка, подгоревшая яичница и ипотека. Это было некрасиво, некинематографично, но по-своему невероятно уютно.

В 20:00 идиллию разорвал звонок. Номер не определялся. Алиса нехотя смахнула зелёную трубку.

— Алло, Алиса? Добрый вечер, это служба доставки, — раздался в динамике чуть запыхавшийся мужской голос. — Я у вашего подъезда, но домофон сбрасывает. Сможете открыть?

— Какая доставка? — Алиса нахмурилась. — Вы ошиблись. Я ничего не заказывала.

— Как не заказывали? — в голосе курьера промелькнула искренняя паника. — Адрес ваш, имя ваше. Сет «Большая Филадельфия» и два лимонада. Оплачено.

Алиса на секунду зависла, а потом хлопнула себя по лбу. Ну конечно! Лера. Подруга обожала устраивать такие гастрономические диверсии, когда чувствовала, что Алиса находится на грани нервного срыва.

— Ой, простите! Всё верно, это сюрприз! Сейчас открою, — торопливо ответила она и нажала кнопку домофона.

Через пять минут она распахнула дверь на лестничную клетку. На пороге переминался с ноги на ногу молодой парень в фирменной куртке и с огромным терморюкзаком за плечами. Вид у него был уставший, но глаза улыбались. Он аккуратно передал ей тяжёлый крафтовый пакет.

— Приятного аппетита. И хорошего вечера!

— Спасибо огромное! — Алиса забрала пакет, от которого божественно пахло имбирём и нори. — Вы там не замёрзли? Ветер ледяной.

— Работа такая, нас термосумки греют! — рассмеялся он и, махнув на прощание, легко побежал к лифту.

Алиса дважды повернула ключ в замке, перенесла добычу на кухню, водрузила контейнеры с роллами на стол и сфотографировала этот натюрморт спасения.

Алиса: *«Ты не подруга, ты святая женщина. Откуда узнала, что я на грани?»*

Лера: *«Я не святая, я потомственная ведьма. А ещё я прекрасно помню, что в твоём холодильнике только три сущидальных яйца и тот винтажный радиоактивный салат. Ешь давай, женщина!»*

Алиса счастливо рассмеялась в пустой квартире и отправила в ответ сердечко. Она почувствовала, как усталость уходит, а настроение улучшается. Лера всегда знала, как поддержать подругу в трудную минуту.

Разговор с мамой по видео

Ровно в 21:00 телефон завибрировал с настойчивостью пожарной сирены, возвещающей о конце света. На экране высветилось: «Мамуля ❤». Алиса тяжело вздохнула, торопливо проглотила кусок ролла, взбила пятернёй волосы (чтобы избежать лекции на тему «ты опять как чучело, кто ж тебя такую замуж возьмёт») и мужественно смахнула зелёную иконку, чувствуя себя героем, отправляющимся на верную гибель.

Видеозвонок начался классически: на экране материализовался фрагмент маминого лица — правый глаз, напряжённая бровь и кусок хрустальной люстры на заднем фоне. Мама, как и большинство женщин её поколения, считала, что фронтальная камера работает по принципу микроскопа и требует максимального сближения с объектом. Казалось, она пыталась проникнуть в самое сердце экрана, как исследователь в глубинки Амазонки.

— Алисонька! Доченька! — запричитала люстра маминым голосом, после чего камера дёрнулась, и в кадре появился подбородок. — Я тебя целый день ждала! Ты почему матери не звонишь?

— Мам, я же писала тебе утром с работы.

— Утром — это не считается! Утром я ещё спала почти, одним глазом читала. Ты где? Дома? Ела? Что ела? Покажи тарелку!

— Роллы, — честно призналась Алиса, понимая, что скрывать улики поздно. Словно преступник, пойманный с поличным, она приготовилась к неизбежному.

Камера резко отъехала назад, явив миру мамино лицо, полное священного ужаса.

— Роллы?! — округлила она глаза. — Это же рыба сырая! Глисты! Паразиты! Ты опять эту заморскую гадость ешь? У тебя же желудок скрутит! А почему не суп? Я тебе такую кастрюлю борща сварила! На мозговой косточке, со сметанкой! Ты когда приедешь? В выходные? Я пирожков напеку с капустой. Ты же любишь с капустой, я помню!

— Мам, я не знаю насчёт выходных. Может, на работу вызовут.

— Работа, работа! — мама всплеснула руками, и телефон опасно накренился. — У всех нормальных людей работа как работа, а на тебе одной воду возят! Ты хоть отдыхаешь? С кем-нибудь встречаешься, кроме своего компьютера?

— Мам… начинается.

— Я не лезу, я просто интересуюсь! Имею право! Ты же девочка взрослая, тебе уже… сколько тебе? Двадцать девять? Тридцать?

— Двадцать девять, мама. И, справедливости ради, ты сама меня рожала, могла бы и запомнить.

— Ой, доченька, я столько всего за жизнь родила и пережила, разве упомнишь точные даты? — отмахнулась мама. — Ты главное не засиживайся в девках, а то потом поздно будет, всех нормальных разберут. Часики-то тикают. Ты слышишь, как они тикают?

— Слышу, мам. Они так громко тикают, что соседи снизу по батарее стучат, — с абсолютно каменным лицом парировала Алиса, чувствуя себя участником абсурдного спектакля.

— Не смейся над матерью! Я тебе правду говорю, жизнь пролетит — не заметишь. Вон у Лерки, подруги твоей непутёвой, как дела? Замужем?

— Лера на диете, мам.

— Это хуже, чем замужем? — искренне озадачилась мама, пытаясь встроить эту информацию в свою картину мира. — Ладно, Бог с ней, с Лерой. Ты мне главное скажи: на горизонте есть кто-то?

— Нет, мам. На горизонте чисто. Никого.

— А почему?! Ты у меня красивая, умная, с высшим образованием… Готовить, правда, не очень умеешь, но этому мужику можно и не говорить сразу! Куда они все смотрят-то?

— В телефоны они смотрят, мам. В приложения.

— В какие ещё приложения? — мама мгновенно перешла в режим следователя. Камера снова приблизилась к её лицу. — Ты там осторожнее! Вчера по телевизору показывали, там одни мошенники и альфонсы сидят! Пишут неопытным девушкам «я принц, люблюнимагу», а потом просят кредит на них взять!

— Мам, ну какие принцы, это просто приложения для знакомств. Люди там кофе вместе пьют.

— А, ну если кофе, то это другое дело. Ты там зарегистрирована? Покажи!

— Мам, я ничего не буду показывать.

— Алиса! Я мать или женщина с улицы?! Я имею право знать, кому ты там лайки ставишь!

— Мам, да нет там никого особенного. Я просто листаю иногда от скуки.

— Листаешь? А чего их листать, как журнал «Здоровье», если не знакомишься? Ты давай, бери быка за рога! Пиши им первая! Пусть в гости приходят, я хоть посмотрю на них!

— Мам, ты за пятьсот километров от меня живёшь. Как ты посмотришь? Из кустов?

— По видеосвязи! — торжествующе объявила мама. — Я быстро определю, порядочный человек или проходимец. У меня глаз-алмаз! Задам пару вопросов про пенсию и отношение к тёще — всё как на духу выложат!

Алиса живо представила эту апокалиптическую картину: она на свидании в кафе, парень из Тиндера пьёт латте, а из телефона Алисы на него строго смотрит мамин глаз на фоне хрустальной люстры и требует справку 2-НДФЛ. Ей стало одновременно смешно и до одури страшно. Она почувствовала себя героиней абсурдного романа, где реальность переплетается с фантазией.

— Мам, давай мы кастинг оставим на потом. Я очень устала сегодня.

— Ладно-ладно, отдыхай, трудяга моя. Только не ешь много этих своих колобков рисовых, запей хоть чаем горячим! И на борщ приезжай! Я тебя люблю. Целую!

— Я тебя тоже, мам. Пока.

Алиса нажала отбой и обессиленно откинулась на спинку дивана, уставившись в потолок. Материнская любовь была похожа на стихийное бедствие — от неё нельзя было укрыться, её можно было только переждать. Но, честно говоря, без этого звонка день казался бы ей пугающе пустым. Она улыбнулась, чувствуя, что несмотря на все сложности, жизнь всё-таки прекрасна.

Ночной серфинг

После разговора с мамой сон сбежал от Алисы быстрее, чем олимпийский чемпион на стометровке. Точнее, его смыло волной материнской заботы и жизненной паники, которая оказалась мощнее цунами. Алиса ещё немного потупила взгляд в телевизор, а затем привычным жестом вечернего зомби открыла ленту соцсетей.

Там, как и всегда, кипела ярмарка чужого тщеславия: кто-то публиковал глянцевые ноги на фоне балийского заката, словно это был последний день на земле, кто-то агрессивно продавал марафоны по «распаковке личности и заработку в потоке», словно это был единственный способ спасти человечество от бедности. Кто-то выкладывал эстетичные фотографии еды, словно это были произведения искусства, достойные Лувра. Алиса автоматически лайкнула чью-то неаполитанскую пиццу с тянущимся сыром, хотя в её собственном желудке всё ещё переваривался сет «Филадельфии». Солидарность чревоугодников — святое дело, особенно когда речь идёт о такой вкусной еде.

Затем её палец, движимый каким-то независимым от мозга инстинктом, нажал на иконку приложения для знакомств. Это было сделано просто так, в исключительно исследовательских, антропологических целях. Она не заходила туда уже пару недель, словно это был заброшенный остров, где она была единственным выжившим.

Приложение радостно мигнуло розовым уведомлением: «У вас 15 новых лайков! Посмотрите, кто вами заинтересовался!» Алиса скептически хмыкнула. Виртуальная популярность — штука приятная, она приятно щекочет эго, но опыт подсказывал, что за этой цифрой скрывается парад сомнительных кавалеров. Обычно это были либо суровые философы с селфи снизу вверх (чтобы подчеркнуть подбородок и ковёр на стене), словно они готовились к съёмкам в сериале про Шерлока Холмса, либо мастера пикапа, которые начинали диалог новаторским «Приветик, как делишки?» и после ответа пропадали в чёрной дыре, словно их засосал кроличьи норы.

Она начала лениво смахивать анкеты влево. Замелькали классические архетипы:

1. Добытчик. Мужчина в камуфляже, гордо держащий за жабры гигантского мёртвого карпа. Взгляд у карпа был куда более осмысленным и глубоким, чем у владельца анкеты. *Свайп влево.*

2. Успешный успех. Мужчина в салоне автомобиля. Рука небрежно, но с ювелирным расчётом брошена на руль так, чтобы в кадр попал логотип премиальной марки и блестящие часы. Машина была явно либо из каршеринга, либо арендована на час для фотосессии. *Свайп влево.*

3. Усатый нянь. Парень в обнимку с двумя очаровательными карапузами. Био гласило: «Племянники! Своих пока нет, но очень хочу». Классический, дешёвый, но рабочий приём под кодовым названием «смотри, какой я безопасный и семейный». Дети, судя по их напуганным лицам, были одолжены у сестры буквально на пять минут ради удачного кадра. *Свайп влево.*

Никто не цеплял. Сердце молчало, гормоны спали, словно они решили взять отпуск на неопределённый срок.

В итоге Алиса механически раздала три лайка. Первый улетел парню исключительно потому, что на аватарке у него сидел роскошный рыжий мейн-кун. Человек к коту прилагался как бесплатный, не слишком обязательный аксессуар.

Второй лайк достался обладателю гениального описания: «Люблю роллы и ненавижу ложь, предательство и лицемеров». Эта цитата из пацанских пабликов 2010-х годов растрогала её своей кристальной, первозданной глупостью. Третий лайк она поставила просто из жалости и скуки, чтобы алгоритм приложения не решил, что она умерла, и не начал рассылать соболезнования её контактам.

Закончив с раздачей виртуальных симпатий, Алиса закрыла приложение и переключилась на «Кинопоиск». В закладках уже месяц пылился артхаусный европейский детектив, который критики называли «визуальным шедевром десятилетия», и до которого у неё всё не доходили руки. Начало действительно было многообещающим: суровые скандинавские пейзажи, тревожная музыка, таинственный силуэт в тумане… На двадцатой минуте, прямо посреди напряжённого диалога главных героев, Алиса благополучно вырубилась, выронив телефон на одеяло, словно он был тяжёлым камнем, который она не могла больше держать в руках.

Сон про курьера

Той ночью Алису настиг такой сюрреалистичный и липкий кошмар, словно её переутомлённое подсознание решило снять собственный блокбастер в жанре «ужасы с элементами абсурда».

Она стояла посреди помпезного, залитого светом зала, похожего на гигантский торт, в пышном белом платье, которое делало её похожей на безе, случайно оказавшееся на балу у Золушки. Вокруг на позолоченных стульях, словно сошедших с картинки из детской книжки, сидели гости, замершие в торжественном ожидании. Играл марш Мендельсона, но почему-то в полифонической аранжировке рингтона от приложения доставки, что звучало примерно так же гармонично, как если бы слон решил поиграть на флейте.

К алтарю медленно приближался жених. Алиса тревожно всматривалась в его силуэт сквозь кружево фаты, и вдруг ледяной ужас сковал её горло — это был курьер, тот самый вечерний, который доставлял ей соевый соус и роллы. Только поверх строгого свадебного смокинга на нём был крепко застёгнут необъятный жёлтый терморюкзак, словно он собрался не на свадьбу, а в поход по джунглям.

— Согласны ли вы… — загробным голосом начал невидимый регистратор, словно пытаясь добавить церемонии немного мистической атмосферы.

— Я согласна! — в панике, перекрывая музыку, закричала Алиса на весь зал. — Только, ради всего святого, привезите мне ещё дополнительный соевый соус!

Жених-курьер лучезарно улыбнулся, словно был рад, что его невеста так хорошо знакома с меню их романтического ужина. Плавным, отрепетированным движением он потянулся за пазуху, но вместо бархатной коробочки с кольцом торжественно извлёк оттуда помятый крафтовый пакет.

— Ваш заказ доставлен без опозданий, — бархатным, гипнотическим голосом произнёс он, протягивая ей пакет. — Приятного аппетита и безлимитного счастья в личной жизни. Не забудьте поставить мне пять звёзд.

Алиса вынырнула из сна с таким резким вдохом, будто последние пять минут провела под водой, пытаясь расшифровать послание дельфинов. Она резко села на кровати, сжимая в кулаках одеяло, словно оно было спасательным кругом. Сердце колотилось где-то в районе горла, а спина покрылась холодным потом.

— Господи, какой клинический бред, — хрипло прошептала она в темноту спальни, чувствуя себя так, будто только что вернулась из путешествия по параллельным вселенным.

За окном царила глухая питерская ночь, такая тёмная и таинственная, что даже самые смелые фонари решили не ввязываться в эту битву со мраком. Электронные часы на тумбочке безжалостно светились красным: 3:15. Алиса упала обратно на подушку, но сон как рукой сняло. Мозг отчаянно отказывался отключаться, раз за разом прокручивая сцену бракосочетания с человеком-рюкзаком, словно это было самое захватывающее реалити-шоу на свете.

— Это всё просто стресс, — начала вслух уговаривать себя Алиса, глядя в потолок и пытаясь найти там ответы на свои вопросы. — Стресс на работе. Мамины лекции про тикающие часики, которые звучат громче, чем бой курантов на Новый год. Парад психопатов в приложении для знакомств и углеводная кома от съеденной на ночь «Филадельфии», которая, видимо, решила взять реванш за все пережитые стрессы. Гремучая, токсичная смесь. Никакой мистики.

Она решительно перевернулась на другой бок, натянула одеяло до самого носа, приказала своему подсознанию больше не снимать подобный артхаус и, наконец, провалилась в тяжёлый сон без сновидений, надеясь, что её мозг больше не решит устроить ей никаких сюрпризов.

Утро нового дня (с обещаниями)

Утро началось всё с тех же надрывных «Половецких плясок», но на этот раз Алиса открыла глаза и с непоколебимой, как скала, ясностью осознала: сегодня она точно начнёт новую жизнь. Синдром «чистого листа», который обычно настигает людей исключительно первого января или в понедельник, ударил по ней в совершенно обычный будний день, как метеорит, изменивший ход истории.

Она вскочила, совершила немыслимое — идеально заправила постель (событие, достойное занесения в анналы истории человечества!), сходила в контрастный душ, который бодрил лучше, чем чашка самого крепкого кофе, и съела нормальный завтрак. Поскольку суицидальные яйца закончились, в меню значились горячие тосты с сыром, источающие аромат, способный растопить даже самое чёрствое сердце. Более того, выходя из квартиры, она торжественно захватила с собой мусорный пакет, навсегда прощаясь с коробками от роллов, которые копились, словно сокровища пиратов. Пыльный монстр под кроватью был временно амнистирован и оставлен в покое, чтобы он мог предаваться своим пыльным делам.

По дороге к метро, шагая пружинистой походкой, словно маленький весёлый кузнечик, она составила в голове железобетонный манифест трансформации:

1. Записаться в спортзал, где она будет делать вид, что занимается спортом, пока на самом деле просто будет любоваться зеркалами и собой в них.

2. Научиться готовить что-то сложнее яичницы, чтобы не умереть от голода в случае ядерной войны или банального отсутствия доставки еды.

3. Найти нормальные отношения (не с курьером), потому что отношения с курьером — это как-то слишком обыденно и предсказуемо.

4. Реже проверять телефон, чтобы не превратиться в зависимого от социальных сетей зомби.

5. Звонить маме самой, чтобы она не звонила первой и не задавала неудобные вопросы о личной жизни.

План был безупречен. Алиса чувствовала себя сверхчеловеком, готовым свернуть горы и покорить все вершины, которые встретятся на её пути.

Спустившись в подземку, она машинально достала телефон (с треском провалив пункт №4 ровно через двенадцать минут после его утверждения), чтобы почитать новости. На заблокированном экране скромно висело уведомление с розовым логотипом, присланное ещё вчера: *«Вам пришло новое сообщение!»* Она зашла в приложение. Писал тот самый парень, к аватарке которого прилагался роскошный мейн-кун, словно символ аристократичности и утончённости.

Парень с котом: *«Привет. Ты любишь роллы? Понимаю, вопрос с порога спорный и даже интимный, но для меня критически важно твоё мнение)».*

Алиса искренне улыбнулась, глядя в экран. Написано было легко, без банальных «приветиков» и с явной самоиронией. Да и тема после вчерашнего сна была более чем актуальной. Пальцы сами запорхали по экрану:

Алиса: *«Привет. Исключительно в том случае, если они с угрём. А ты сам из какого гастрономического лагеря?»*

Диалог зацепился и потянул за собой следующий вопрос, потом шутку, потом ещё одну. В тот момент Алиса, трясущаяся в вагоне утреннего метро, ещё не знала, что эта случайная переписка безвозвратно перевернёт её жизнь, что через несколько месяцев она будет стоять под проливным питерским дождём, сжимая в руках пластиковый контейнер с абсолютно несъедобной домашней пастой, и плакать от счастья, а ещё через год — сидеть в светлом зале и на полном серьёзе выбирать дизайн свадебных роллов.

Но пока она просто ехала на работу в свой филиал ада, улыбалась экрану и переписывалась с незнакомцем, у которого был очень симпатичный кот. Новая жизнь действительно начиналась. Правда, пока только в виде пикселей и текстовых сообщений, но это было уже чертовски хорошее начало.

Глава 2. Цифровой отшельник

Утро, которого никто не видел

Паша вынырнул из царства Морфея в 11:42, словно подводная лодка из морских глубин. Его внутренние биологические часы давно махнули рукой на московское время и перешли на часовой пояс «Удалёнка-плюс», где рассвет наступает только тогда, когда организм сочтёт нужным.

Солнце бесцеремонно светило сквозь незанавешенное окно, словно говоря: «Вставай, соня!». Паша приподнял лохматую голову от подушки, сфокусировал взгляд на экране телефона и тихо, но с чувством охренел.

— Ничего себе, я в кому впал! — сипло произнёс он вслух, хотя единственным свидетелем этого пробуждения были обои. Разговоры с самим собой давно перестали быть для него признаком сумасшествия и перешли в разряд суровой необходимости. Кто-то же в этой квартире должен был генерировать осмысленные диалоги.

Он сел на краю кровати, почесал грудь и окинул взглядом свои владения. Комната выглядела как манифест человека, принципиально не ждущего гостей. На спинке компьютерного стула громоздилась гора одежды, которая за выходные успела слежаться и превратиться в самостоятельную геологическую формацию — Эверест из толстовок и джинсов. На столе живописно расставились три кружки: одна с мумифицированными остатками кофе, вторая с присохшей по краям лапшой, а третья стояла просто так, для декоративной массовки. На полу змеились провода от зарядок, валялись какие-то флешки и одинокий носок (второй, судя по всему, не выдержал этих условий и ушёл в добровольную эмиграцию под диван).

Рядом с кроватью, на специальной бархатной лежанке, возвышался кот Кузя. Кузя был рыжим, монументально толстым и обладал мировоззрением уставшего римского патриция. Он смотрел на Пашу немигающим взглядом, в котором отчётливо читалось: *«Ну и долго ты дрых, двуногий? Я тут уже час как проснулся, мой желудок пуст, а твоя полезность в этом доме стремится к нулю».*

— Утро доброе, Кузьма, — виновато поздоровался Паша и почесал кота за плюшевым ухом. Кузя благосклонно, но с достоинством принял дань ласки, а через секунду спрыгнул с лежанки. Мягко ступая по проводам, он направился к двери, всем своим видом показывая: раз уж обслуживающий персонал изволил восстать из мёртвых, пора бы и покормить истинного владельца недвижимости.

Паша со вздохом поднялся, натянул растянутые спортивные штаны (в которых, собственно, и спал — зачем снимать то, что вечером снова надевать?) и шаркая побрёл на кухню.

Кухня встретила его натюрмортом «Утро после дедлайна». В раковине высилась Пизанская башня из тарелок. На плите грустила сковородка с окаменелыми ошмётками яичницы — следствие Пашиной попытки приготовить завтрак в четыре часа ночи, потому что под утро фрилансеру всегда отчаянно хочется есть.

Он потянул на себя дверцу холодильника. Агрегат издал звук, похожий на предсмертный вздох облегчения, и осветил Пашу тусклой лампочкой. Внутри гуляло эхо. Из съестного там обитали только банка солёных огурцов (переданная мамой в прошлом году и теперь выполняющая роль несущей конструкции) и сиротливая упаковка кетчупа, давно ставшая частью интерьера.

— Кузя, — мрачно констатировал Паша, глядя на кота, который уже сидел у своей пустой миски в позе копилки. — У нас тактическая проблема. Еда покинула этот дом.

Кузя медленно моргнул. В переводе с кошачьего это могло означать *как «Я в курсе, идиот»*, так и *«Твоя некомпетентность меня уже даже не удивляет».*

Паша привычно потянулся к телефону. Смартфон был его окном в мир, рабочим станком и единственным источником пропитания. Он открыл жёлтое приложение доставки. История заказов читалась как кардиограмма гастрономического грехопадения: пицца (три раза подряд), роллы (дважды), лапша WOK (пять раз), и какой-то хтонический бургер в два часа ночи (после которого Паша клялся небесам перейти на брокколи, но забыл об этом на следующее же утро).

Пальцы быстро накидали в виртуальную корзину базовый набор выживания: молоко, десяток яиц, хлеб, банку растворимого кофе, что-то сладкое и максимально вредное к кофе, и, конечно, премиальный паштет для кота. На Кузе экономить было нельзя — он умел выпрашивать еду с таким психологическим давлением, что Паша иногда ломался и отдавал ему свой ужин.

— Доставка через час, — объявил он рыжему диктатору, оформляя заказ. — Потерпишь?

Кузя презрительно дёрнул ухом, отвернулся и демонстративно улёгся мордой в угол. Оскорбление было нанесено.

Паша почесал взлохмаченный затылок и поплёлся в душ. Ванная была единственным местом в его квартире, где царил относительный порядок. Просто потому, что вода сама смывала грязь, не требуя от Паши никаких организационных усилий. Паша мог бы сказать, что его ванная — это оазис чистоты в пустыне хаоса, но он не любил громкие слова. Он просто наслаждался тем, как тёплая вода смывает остатки сна и возвращает его к жизни.

Утренний ритуал

Горячий душ, словно магический ковёр-самолёт, перенёс Пашу из страны снов в реальность. Струи воды смыли остатки дремы, откатили его к заводским настройкам, как компьютер после перезагрузки. Стоя перед запотевшим зеркалом, он критически рассматривал своё отражение и думал о вечном: о том, что пора бы подстричься и побриться; да и вообще, перестать выглядеть как Робинзон Крузо, который после долгих лет одиночества на необитаемом острове вдруг обнаружил, что ему провели широкополосный интернет — и то не обрадовался, потому что забыл, как пользоваться этой штукой.

Но это как-нибудь потом. В следующей жизни или хотя бы в следующем месяце, когда вселенная соизволит сжалиться над ним. Паша вытерся полотенцем, которое висело на одном и том же крючке уже третью неделю и начало приобретать свойства картона — настолько оно стало жёстким и непреклонным, как будто решило само себя сохранить в первозданном виде для потомков. Затем он выудил из геологической формации на стуле футболку, которая прошла строгий тест на отсутствие подозрительных запахов — настоящий подвиг в условиях затянувшегося эксперимента по выживанию в городской квартире. После этого Паша благоговейно опустился в рабочее кресло, словно рыцарь в свой трон.

Компьютер был его личным храмом, алтарём кибер-эпохи. Мощный гудящий системник, три монитора и геймерская механическая клавиатура, которая клацала с такой пулемётной громкостью, что соседи снизу регулярно стучали шваброй по батарее, выражая своё негодование. Паша делал вид, что работает в наушниках и ничего не слышит, хотя на самом деле он был готов поклясться, что слышит, как соседи сверху тоже стучат по батарее — видимо, в знак солидарности. Соседи делали вид, что верят, но наверняка думали, что он круглыми сутками отбивает морзянку, пытаясь связаться с внеземными цивилизациями.

Паша нажал кнопку питания. На первом мониторе развернулся почтовый клиент, на втором вспыхнули мессенджеры, а третий — самый маленький, сиротливо стоящий сбоку — был отдан под плейлист с расслабляющим эмбиентом, призванным гасить вспышки фрилансерского гнева. Паша был готов к битве, словно гладиатор на арене, только вместо меча у него была мышка, а вместо щита — клавиатура.

Первым делом он проверил биржу заказов. В личных сообщениях висел запрос: «Елена, дизайн-студия „Полёт“: *„Добрый день! Нужен лендинг для продажи крафтовых эко-свечей. Бюджет обсуждаем. Очень срочно. Жду примеры работ“*». Паша философски вздохнул. За

годы работы он в совершенстве овладел искусством перевода с клиентского языка на человеческий:

Фраза клиента: «Очень срочно» — Реальный перевод на язык фрилансера: «Мы прокрастинировали целый месяц, а сдать проект нужно было ещё вчера»;

Фраза клиента: «Бюджет обсуждаем» — Реальный перевод на язык фрилансера: «Денег у нас почти нет, но мы щедро заплатим вам бесценным опытом»

Он привычно застучал по клавишам, словно пианист, исполняющий виртуозный этюд: *«Здравствуйте! Готов взять ваш лендинг, ссылка на портфолио ниже, базовые расценки и сроки там же».* Отправил и переключился на текущий проект, чувствуя себя как шеф-повар, который одновременно следит за несколькими блюдами на кухне.

Заказчик с солидным ником @roma_top_007 прислал очередную порцию гениальных правок к дизайну интернет-магазина. Рома был словно художник-абстракционист, решивший добавить пару штрихов к уже готовой картине:

«Привет! Слушай, сделай кнопку „Купить“ красной. Нет, лучше синей. Хотя… давай зелёной! И знаешь что? Сделай её радужной, чтобы она переливалась всеми цветами. И чтобы когда мышкой наводишь, она пульсировала и увеличивалась. А, и звук добавь! Когда кликаешь. Можно звук „пук“? Думаю, это повысит конверсию!»

Паша медленно закрыл глаза, глубоко вдохнул и сосчитал до десяти. Радужная пульсирующая кнопка со звуком метеоризма — это был прорыв, достойный отдельной главы в книге рекордов Гиннесса. Новый, неизведанный уровень клиентского безумия, достойный отдельного котла в дизайнерском аду. Внутренний голос орал матом, но пальцы привычно набрали максимально дипломатичный текст:

«Роман, приветствую. Радужная кнопка со звуковыми эффектами может отвлечь покупателя и выглядеть недостаточно профессионально для вашей ниши. Предлагаю остановиться на акцентном зелёном цвете — в психологии дизайна это цвет доверия и согласия. Звук также лучше убрать, чтобы не раздражать пользователей, сидящих с телефонов в общественных местах».

Рома: *«Ну ладно, уговорил, душнила. Давай зелёную. Но чтоб прям кислотно-зелёную. Как лайм, который светится в темноте».*

Паша: *«Сделаем».*

Он выкрутил ползунок цвета на кнопке в ядовитый лаймовый, сохранил макет и обессиленно откинулся на спинку кресла. Кресло жалобно скрипнуло, принимая на себя тяжесть его метафизической тоски. В этот момент в дверь позвонили.

Паша подскочил, как будто его ударило током: доставка! Он распахнул дверь, забрал у курьера (сегодня это был новый, незнакомый паренёк) тяжёлый пакет с продуктами и уже собирался захлопнуть створку, как курьер неожиданно спросил:

— Извините, а вам мусор вынести не надо? У нас новая акция: если клиент отдаёт курьеру мусорный пакет, мы ставим ему эксклюзивный смайлик в профиле приложения. Карму повышает!

Паша завис. Мусор был его ахиллесовой пятой. Пакет угрожающе раздувался в коридоре уже четвёртый день и, кажется, начал формировать собственную экосистему и строить планы по захвату квартиры.

— Надо, — глухо признался Паша, вытаскивая из угла раздутый чёрный мешок, больше похожий на труп небольшого снеговика.

Курьер радостно улыбнулся, забрал мешок, нажал пару кнопок в своём смартфоне и умчался к лифту. А Паша остался стоять на пороге. В приложении звякнуло уведомление о начисленном смайлике, а в душе разлилось приятное, почти забытое чувство. Он сделал доброе дело. Воздух в квартире стал чище. Жизнь определённо налаживалась.

Завтрак холостяка

С прибытием крафтовых пакетов, жизнь в квартире заиграла новыми красками, словно после затяжного дождя наконец-то выглянуло солнце. Паша приступил к стратегическому расселению провизии с серьёзностью маршала, планирующего крупномасштабную операцию.

Картонная каретка яиц и пакет молока торжественно въехали в холодильник, составив компанию прошлогодним маминым огурцам. Огурцы, кажется, даже обрадовались новым соседям, приветливо замахав пупырчатыми «ручками». Свежий батон отправился в деревянную хлебницу, которая так давно не видела мучного, что успела забыть своё прямое предназначение и начала было подумывать о пенсии. А банка кофе заняла почётный пьедестал в шкафчике, словно олимпийский чемпион, получивший золотую медаль.

Кузя, заслышав характерный шелест упаковки с кормом, мгновенно сбросил маску уставшего философа. Он ожил, начал наворачивать восьмёрки вокруг Пашиных щиколоток и врубил внутренний мотор на частоте хорошо прогретого тракторного двигателя, готовый рвануть вперёд на всех парах. «Сейчас, сейчас, волосатый ты рэкетир», — приговаривал Паша, вываливая премиальное желе в миску. Кузя впился в еду с таким первобытным остервенением, будто провёл последние три года в пустыне Гоби без капли воды и крошки мяса, хотя с момента его прошлого плотного ужина прошло от силы часов двенадцать.

Себе Паша решил снова сообразить глазунью, но на этот раз — с беконом. Его он предусмотрительно закинул в корзину в последний момент, справедливо рассудив, что яичница без бекона — это просто жареные яйца, унылая проза жизни, а вот с беконом — уже кулинарный шедевр, достойный занесения в анналы мировой кулинарии. Пока на сковородке жизнерадостно шкварчало мясо, распространяя по кухне ароматы, способные пробудить даже самых сонных гурманов, Паша разблокировал телефон. На экране висела стопка непрочитанных сообщений, словно гора неподъемных дел, с которыми предстояло разобраться:

Мама: *«Сынуля, привет! Как ты там? Не голодаешь у своего компьютера? Я тебе тут небольшую посылку собрала: варенье малиновое, соленья, грибочки. Напиши актуальный адрес, отправлю. И приезжай в гости, я соскучилась. Целую!»*

Друг Дима: «Йоу, бро! Го вечером в Доту? Соскучился по твоим безумным рандомным пикам. Затащим катку!»

Бывшая (Аня): *«Привет! Случайно наткнулась на твое фото в ВК. Ты классно выглядишь. Как жизнь вообще?»*

На последнем сообщении Паша завис так надолго, что успел мысленно перебрать все возможные ответы, от *«Привет, как дела?» до «Зачем ты мне пишешь после всего, что было?»*. А потом просто смахнул его с экрана, как стряхивают пыль с антикварной мебели — решительно и без сожаления. Отвечать он не собирался. Слово «случайно» в словаре бывших девушек всегда нужно было брать в огромные, мигающие неоном кавычки, а ещё лучше — выделить жирным шрифтом и добавить восклицательный знак.

Они расстались полгода назад, после классической, затёртой до дыр сцены, где Аня со слезами на глазах заявила, что «он слишком много сидит за своим компьютером и совершенно не уделяет ей внимания». Паша тогда искренне не понял претензии и подумал: *«А что, разве в XXI веке изобрели какой-то другой, более эффективный способ существования? Может, я должен был забросить свой компьютер и начать строить из себя идеального мужчину, который всегда готов выслушать, поддержать и утешить?»*. Но благоразумно промолчал, решив, что споры с женщинами — это как шахматы с компьютером: проиграешь в любом случае.

Иногда, когда особенно мерзкий заказчик доводил до белого каления, Паша листал вакансии за границей: Барселона, Лиссабон, Берлин — там были студии, где рисовали не пивных котов, а что-то по-настоящему крутое, например, космические пейзажи или фэнтезийных существ. Паша даже откликался пару раз, просто чтобы проверить — вдруг? Но дальше тесто-

вых заданий дело не шло, да и Кузя… с котом за границу как-то хлопотно. Мечта оставалась мечтой, тёплой и далёкой, как испанское солнце зимой, которое греет, но не обжигает.

Он снял сковородку с плиты. Яичница подгорела ровно до той золотой холостяцкой кондиции, когда по краям образовалось хрустящее угольное кружево, а в середине желтки оставались первозданно жидкими. Паша попытался посыпать своё творение заказанной свежей зеленью, но укроп оказался существом нежным — он депрессивно завял ещё в пакете курьера, превратившись в грустную зелёную тряпочку. Пришлось отправить его в мусорное ведро, где он присоединился к другим неудачником, которые не смогли выдержать суровых условий холостяцкой жизни.

Паша водрузил тарелку на стол, налил до краёв кружку крепкого кофе и с ногами забрался в рабочее кресло. Обжигающий желток, глоток кофеина, ритмичный стук механических клавиш и обволакивающие звуки космического эмбиента в наушниках — это был его личный, непробиваемый фрилансерский дзен, который позволял ему отключиться от внешнего мира и погрузиться в свой собственный, где всё было под контролем.

Рабочий полдень

С полудня и до шестнадцати ноль-ноль Паша вошёл в состояние абсолютного потока, словно супергерой, надевший плащ продуктивности. Это было то самое священное продуктивное окно, ради которого удалёнщики готовы терпеть все лишения нестабильного заработка, напоминающие американские горки финансового благополучия.

Он виртуозно добил кислотные правки для Ромы, словно хирург, делающий операцию на мозге. Набросал уверенный прототип лендинга для Елены, и в ответ звякнуло уведомление о зачислении аванса — самый сладкий звук во Вселенной, сравнимый с мелодией победы в компьютерной игре. И даже с энтузиазмом взялся за новый проект — дизайн этикетки для лимитированной партии крафтового пива, будто художник, создающий шедевр для музея современного искусства.

Заказчик крафта оказался классическим пивным гиком с богатой фантазией, словно писатель-фантаст, придумавший новый мир. В брифе значилось: «Хочу, чтобы на этикетке был кот, но не просто какой-то там дворовый Васька, а суровый кот-космонавт в детализированном скафандре! И чтобы в лапах у него был плазменный бластер! А само пиво назовём „Мур-мур-галактика“ (шрифт сделай космический, с неоном)».

Паша кропотливо вырисовывал блики на кошачьем шлеме и периодически косился на своего рыжего источника вдохновения — Кузьму. Кузя, растёкшийся по тёплому подоконнику в форме бесформенной меховой лужи, перспективы стать амбассадором бренда проигнорировал, демонстрируя полное равнодушие к межгалактическому масс-маркету.

К 16:00 Пашина батарейка стремительно показала красный индикатор. Работа за монитором выматывала не мышцы, а саму душу. Глаза напоминали два пульсирующих стоп-сигнала, мозг перегрелся и требовал кулер, а позвоночник застыл в форме вопросительного знака. Паша кряхтя поднялся, потянулся до хруста в суставах, совершил традиционный круг почёта по маршруту «кресло — кухня — прихожая — окно — кресло» и снова рухнул на рабочее место, словно космонавт, вернувшийся из длительного полёта.

На столе коротко завибрировал телефон. На экране светился логотип приложения для знакомств. «У вас новый мэтч!» Паша разблокировал экран. С фотографии на него смотрела симпатичная девушка на фоне внушительной книжной полки. Он вспомнил, что свайпнул её вправо ещё вчера вечером, купившись именно на корешки книг — редкое явление в море губ «уточкой» и фотографий из спортзалов. Девушка ответила взаимностью.

— О, — уважительно произнёс Паша. — Диджитал-прогресс!

Он открыл её профиль, чтобы провести базовую разведку. Алиса, 29 лет, обитает в соседнем районе, в интересах указаны роллы и амбициозный девиз: «Хочу всё успеть».

Паша по-доброму усмехнулся. В его личном словаре-переводчике с языка соцсетей фраза «хочу всё успеть» безошибочно расшифровывалась как «я нахожусь в состоянии перманентного хронического стресса, ничего не успеваю, пью кофе литрами, но всё ещё надеюсь на чудо».

Надо было что-то написать. Паша завис над клавиатурой, запуская внутренний генератор подкатов, словно программист, пытающийся создать идеальный алгоритм для общения с прекрасной дамой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.